

ПРОЩАЛЬНАЯ УЛЫБКА

*Сергей Сергеевич Бычков*российский писатель, поэт, публицист,
историк церкви, доктор исторических наук

FAREWELL SMILE

*Sergey Bychkov*Russian writer, poet, journalist,
church historian, doctor of historical sciences

Одному из наиболее ярких мыслителей русского религиозного ренессанса Г. П. Федотову повезло больше, нежели другим его коллегам. В 2014 г. в России было завершено 12-томное собрание его сочинений, а также был подготовлен 13-й том, в который вошла его переписка. Мы знакомим читателей с неизвестными страницам жизни мыслителя — его перепиской с будущим филологом Зоей Микуловской. С ней он познакомился в США, куда перебрался в 1940 г. Личность Федотова в переписке с Микуловской раскрывается с неожиданной стороны.

One of the most outstanding philosophers of the Russian Religious Renaissance G. P. Fedotov was not one of the most frequently published authors in the Soviet Union, obviously. His 12-volume complete works were published in Moscow in 2014, and also the last 13th volume is already in the process of publishing, it contains his correspondence. We'd like to present the unknown pages of the biography of this philosopher — his letters to the prospective philologist, Zoya Mikulovskaya. Fedotov met her in the USA, where he lived since 1940. His personality in this correspondence can be viewed from a very interesting perspective.

Ключевые слова: Георгий Федотов, Зоя Микуловская, переписка, русский религиозный ренессанс, личность, мыслитель.

Keywords: Georgy Fedotov, Zoya Mikulovskaya, correspondence, russian religious renaissance, personality, thinker.

Вторая мировая война развела идейных противников из среды русской эмиграции по двум противоположным лагерям. Черносотенная и монархическая группа восприняла начало боевых действий как призыв окончательно и бесповоротно расправиться с большевиками. Многие из эмигрантов вступали

в нацистскую, а затем в Российскую освободительную армию (РОА; с конца 1942 г.), которую возглавлял бывший советский генерал А. А. Власов. Другая часть эмиграции встала в ряды Сопротивления и выступила против оккупации Франции. В нацистских лагерях погибли организаторы и вдохновители «Православного дела» — монахиня Мария (Скобцова), священник Димитрий (Клепинин), религиозный деятель И. И. Фондаминский. Был расстрелян нацистами активный участник французского Сопротивления Б. В. Вильде. В тюрьме была гильотинирована В. А. Оболенская.

За три недели до начала войны Георгий Петрович Федотов (1886–1951) вернулся из Англии. Как обычно, в каникулярное время он предпринял одну из регулярных поездок на велосипеде по французской провинции. Узнав о начале войны, возвратился в Париж. Французская армия терпела одно поражение за другим. Началось повальное бегство из столицы, которая могла стать ареной боевых действий. Федотов вместе с семьей держал путь в Аркашон, где в это время уже осели Н. А. Бердяев и Фондаминский, однако на время задержался на острове Олерон вместе со своим спутником, сыном известного русского писателя Л. Н. Андреева Вадимом.

После перемирия, заключенного между разгромленной Францией и нацистской Германией, Федотов вернулся в Париж. Время, проведенное на Олероне, употребил для перевода Псалтыри на русский язык (Федотов всегда был сторонником ведения богослужений по-русски).

В Париже над ним нависла угроза расправы со стороны «правых» кругов русской эмиграции, обвинявших его в симпатиях к большевикам. Неожиданно Американский Еврейский рабочий комитет составил список лиц, оказавшихся на оккупированных территориях, но имевших право на эмиграцию и въезд в США без каких-либо ограничений и формальностей, связанных с визами. В этот список были включены Фондаминский, Бердяев и мать Мария. Но они наотрез отказались покинуть Париж. «Неужели Вы не понимаете, что лучшая участь для писателя — это быть расстрелянным за то, что он писал?» — убеждал Бердяев. Фондаминский убеждал жену Георгия Петровича: «Неужели Вы не понимаете, что то, о чем мы писали, хотя могло называться демократией, социализмом, но все это делалось во имя Христа, для христианства. Почему Вы не хотите, чтобы Георгий Петрович пострадал за Христа?».

Неожиданно колебавшегося Федотова поддержал митрополит Евлогий. Он благословил его на отъезд: поведение значительной части русских эмигрантов в оккупированном Париже сломало митрополита. Ему казалось, что дело его жизни — создание духовного центра в эмиграции — погибло.

Федотов подал в отставку. Отныне он не являлся профессором Богословского института. Нелегально перейдя демаркационную линию в конце ноября 1939 г., философ оказался на территории, свободной от немцев. Его жена и дочь также покинули Париж и перешли демаркационную линию в другом месте. Добравшись до Марсея, Георгий Петрович был арестован за нелегальный переход границы и отправлен в концентрационный лагерь, но благодаря заступничеству Д. И. Лаури, представителя Американского Красного Креста на юге Франции, вскоре был освобожден. Чтобы ускорить отъезд из Франции (жена и дочь добирались до Америки другим путем), Федотов решил плыть на пароходе «Альсина», который отправлялся в Бразилию через Дакар.

15 января 1941 г. пароход отплыл из Марсея, в Дакаре был задержан англичанами для досмотра. Представители французского правительства Виши оказали сопротивление. Итог — задержка в порту на четыре месяца.

В этот период Федотов после шестилетнего перерыва возобновляет дневник. Он записывал: «Целый день я приучал себя к мысли о лагере. Я убежден, что скоро освоился бы с нею. Теперь “реальная” земная опасность для меня утратила много своей остроты. О, я не мню себя стойком или аскетом. Старый трус еще жив. Но точно совершающееся со мною не доходит до глубины сознания. Во всем вокруг появилось что-то призрачное, что свойственное или воспоминанию, или воображению. Это не рост духовности, но угасание времени. Как таковое, скорее отрицательное явление: начало смерти. Весь вопрос в том, что переживет? Что воскреснет? Есть ли чему воскресать?» (Федотова, 1988: XXX).

Во время вынужденного пребывания в порту Дакара почти всем пассажирам запретили сходить на берег. Благодаря ходатайству ученика Фердинанда Лота, директора Африканского музея в Дакаре, Федотову разрешили бывать на берегу. Он использовал это время для научных занятий в музее. Он настолько хорошо изучил историю экваториальной Африки, что по приезде в Нью-Йорк прочел лекцию, посвященную этому предмету.

Утро философа начиналось с присутствия на доминиканской мессе, затем он изучал португальский язык и совершенствовался в древнееврейском. В дневнике отмечал: «Сколько раз море, вернее, стоянки в портах, огни судов и берега, звездные ночи переносили меня на Волгу. И сердце вспоминало — слабый намек на прежний трепет — ощущение таинственной полноты жизни, притаившегося ожидания любви, которая придет. Знаю, здесь уже не придет. Но

будет ли ответ там? Здесь, в этом моменте, все доступное мне в религиозном опыте. И как мало в нем христианского! Рассветы и закаты над морем для меня подлинно “творятся” (Пильняк) каждый день. И это моя мистерия, которая каждый день возвращает мне веру в Бога более несомненно, чем ежедневная месса доминиканцев, на которой я присутствую. Туда, на мессу, я должен что-то принести с собой и бороться — эти короткие полчаса, — чтобы не расплескать совершенно. А от зари и звезд в меня нисходят токи сил (благодать или природа?), которых хватает на полдня» (Там же: XXXII).

Спустя четыре месяца французское правительство поняло бесплодность переговоров и пароход вернулся в Марокко. В порту Касабланки пассажиров выгрузили и отправили вглубь пустыни, в казармы военного лагеря. Здесь Федотова постигло известие о нападении Гитлера на СССР. Многие пассажиры злополучного парохода застряли в Марокко до конца войны, а некоторые погибли на строительстве дороги через Сахару. Федотову повезло и на этот раз — в лагерь прибыли билеты на испанский пароход, присланные Еврейским рабочим комитетом. Через две недели философ из Кадикса отплыл в Испанию. Последние недели перед отбытием он провел в Севилье, испанской провинции, не тронутой Гражданской войной.

...На крохотном пароходе разместилось свыше тысячи пассажиров, а также скот. Здесь же плыл художник Федор Рожанковский, который позже стал мужем приемной дочери Федотова. Путешествие продолжалось ровно месяц — десять дней пароход вынужденно простоял в Лиссабоне. Во время плавания вспыхнул сыпной тиф, первыми умирали истощенные старики. Пароход причалил в Нью-Йорке 12 сентября 1941 г., спустя восемь месяцев после того, как Федотов покинул негостеприимный Марсель.

Жена Федотова Елена Николаевна и дочь Нина уже ожидали его в США. Они добрались гораздо быстрее, хотя покинули Европу позже. Первые три года Фе-

дотов прожил в Нью-Хейвене, будучи приглашенным профессором в Богословской школе при Йельском университете. В этот период он завершил работу над большим трудом — «Русская религиозность», который писал на английском языке, адресуя культурной элите Запада. В 1943 г. он принял предложение русской Православной семинарии, начал преподавать и оставался ее профессором до конца жизни.

В США перебирались молодые друзья философа из Франции. В Нью-Йорке они сгруппировались вокруг «Нового журнала», где часто происходили встречи. Василий Яновский, также прибывший в США, вспоминал: «Нам представлялось, что после такого светлого подвига (имеется в виду победа СССР над нацистской Германией. — С. Б.) в паре с Европою что-то неминуемо тронется с места, сдвинется даже в сталинской Руси. СССР вернется по праву в Европу, и Европа опять сольется с Россией. Именно это Федотов желчно отрицал. Он умолял, грозил и проклинал. По его вещему слову, как я уже писал, Россию надо всячески удерживать за пределами Европы, не пускать ее дальше исторических границ: иначе конец западной культуре! По мнению Федотова, даже этнический тип русской толпы в больших городах уже изменился, судя по кино-репортажам и снимкам в журналах. Азия изнутри перерождала Россию — пожирала часть Европы... Подобно Черчиллю, но значительно раньше, Федотов утверждал, что Советскую Россию надо держать подальше от Европы, а Европу целиком временно заморозить, иначе все прогнившие части развалятся и не будет больше Европы! Я с ним спорил. Но теперь вынужден признать, что основная его интуиция была правильной. Вообще, всей своей правды о России, о ее истории, церкви, даже народе Федотов, по-видимому, не решался высказать. Россия должна надолго вернуться в Европу школьницей, младшей сестрою, или ее спеленают, отбросят на Восток, расчленят!» (Яновский, 1993: 68, 55–56).

Свято-Владимирская семинария была образована в 1938 г. Ее появлению предшествовало решение VI Всеамериканского церковного Собора, который проходил в 1937 г. в Кливленде. В решении Собора говорилось: чтобы обеспечить Американской православной церкви будущее, необходимо создать духовную школу. 3 октября 1938 г. митрополит Феофил (Пашковский) отслужил молебен в храме Святой Троицы в Бруклине и торжественно освятил открывшуюся Свято-Владимирскую семинарию. Вскоре было найдено временное помещение на территории епископальной семинарии в Челси, в центральном районе Нью-Йорка — Манхэттене. Преподавателей катастрофически не хватало, на первый курс за несколько лет поступило всего несколько человек, за плечами у которых было лишь среднее образование. В конце Второй мировой войны положение резко изменилось: в США хлынули эмигранты из Европы, в том числе и русские. Начали приезжать и крупные ученые-богословы. Когда в

Кливленде в ноябре 1946 г. состоялся VII Всеамериканский церковный Собор, Федотов вместе с П. П. Зубовым по поручению митрополита Феофила составил памятную записку. В ней авторы обосновывали необходимость реорганизации семинарии. Они рекомендовали Собору пригласить для преподавания русских ученых с мировым именем и прилагали список возможных кандидатов. Среди них были Н. О. Лосский, Н. С. Арсеньев, протоиерей Георгий (Флоровский), приглашенный по настоянию Федотова, Е. В. Спекторский, А. А. Боголепов.

Собор принял рекомендации, и в июле 1948 г. на основе решения об укреплении преподавательского состава Синод американских епископов переименовал семинарию в Свято-Владимирскую академию. 18 июня 1948 г. университетский совет штата Нью-Йорк выдал академии временное удостоверение, признав, что она является высшим учебным заведением.

После войны резко разошлись пути Федотова с друзьями, оставшимися в Париже. В первую очередь — с Бердяевым, который склонялся к тому, чтобы признать высшую миссию СССР, сыгравшего решающую роль в победе над нацизмом. Федотов внимательно следил за визитом митрополита Крутицкого и Коломенского Николая (Ярушевича) в Париж и за переговорами о возвращении парижан под юрисдикцию Московского патриархата. Он анализировал данные об открытых храмах и монастырях на территории СССР, которыми оперировал митрополит Николай. Все это вызывало у Георгия Петровича резкий скепсис. Карандашом он записывал: «...м. Николай заявил в Париже 29.VII.1945 года: 20 000 приходов. 30 000 священников. 10 богословски-пастырских школ и семинарий, Богословский институт в Москве, 87 монастырей (3 в Киеве), Киево-Печерская лавра (70 человек), Троицкая лавра...». Параллельно Федотов продолжал работать над вторым томом «Русской религиозности». В это же время вместе с профессором Е. В. Спекторским он создал проект устава Свято-Владимирской семинарии, который сохранился в его архиве.

В последний период жизни в Америке философ очень остро чувствовал одиночество. Когда парижская молодежь — В. Яновский, Е. Извольская, И. Манциарли и А. Лурье — начала издавать журнал «экуменического и пореволюционного толка» «Третий час», в нем не нашлось места для работ Федотова. Его непримиримое отношение к СССР и И. В. Сталину вызывало отторжение даже у молодежи, которая любила и ценила его. Молодым казалось, что отказывать СССР в несомненных добродетелях, приобретенных за время Второй мировой войны, — проявление слепоты. Яновский вспоминал, как огорченный Федотов говорил издателям «Третьего часа»: «Теперь между нами настоящих расхождений еще нет. Вы хотите разгрома немцев и торжества сил демократии, того же и я жажду. Наши расхождения начнутся на следующий день после победы» (Яновский, 1993: 55).

Тогда же он познакомился с семьей Микуловских. Зоя Микуловская родилась в 1922 г. в семье Иосифа (Осипа) Микуловского и Елены Раковской. Отец был участником Белого движения, а после Гражданской войны эмигрировал в Польшу, в Брест-над-Бугом. Здесь у Микуловских росли две дочери, Зоя и Валерия (обе стали профессорами-славистами в США). Обе успешно учились в Русской гимназии, оставившей заметный след в истории Бреста. В ней ученики не только получали образование — издавался свой журнал, ставились театральные постановки, имелся духовой оркестр, хор, оркестр мандолинистов, кипела спортивная жизнь. Гимназисты переписывались с Ф. И. Шаляпиным, который прислал им свой фотопортрет.

По приглашению гимназического руководства в Брест приезжала Елена Ивановна Казимирчак-Полонская, астроном и философ, исследовательница творчества протоиерея Сергия Булгакова. Выпускник гимназии Митрофан Зноско, в будущем православный епископ, рассказывал в мемуарах: «В 1928 году приветствовали мы в нашей Гимназии прибывшую представительницу РСХД (Русского Студенческого Христианского Движения — Н.А.) Елену Ивановну Полонскую. Очаровательный человек и блестящий докладчик, Елена Ивановна выступила перед преподавателями гимназии-школы и русской общественностью с докладом о Достоевском. Доклад слушали и ученики двух последних классов Гимназии, с которыми провела она несколько бесед. В результате этих встреч возник в стенах Гимназии религиозно-философский кружок, и я был избран его руководителем». В 1940–1941 гг. Зоя Микуловская училась во Львовском университете, но война между Германией и СССР прервала занятия. Вместе с семьей в период фашистской оккупации жила в Бресте. А когда фронт приблизился, Микуловские выехали на Запад. Зоя обучалась в Германии и Англии, занималась литературоведением и переводами.

К незавершенным замыслам Микуловской относятся воспоминания о Г. П. Федотове. В ее архиве сохранились разрозненные записи, а также текст выступления на вечере памяти Федотова, проведенный в Нью-Йорке русской эмиграцией к десятилетию со дня смерти ученого. Остается надежда, что «Исповедь» сохранилась либо в части архива Юрьевой, который хранится у В. В. Янцена, либо в архиве ее сына Михаила.

Содержание почти всех писем Федотова к Микуловской-Юрьевой интимное. Раскрылась тайна их отношений только после ее смерти, когда личный архив попал в собрание материалов русской эмиграции В. В. Янцена. Федотову, одному из крупнейших русских стилистов, афористичный язык прозы показался недостаточным, и многие письма сопровождаются любовной лирикой. За годы переписки он послал Зое более 20 стихотворений. Большинство пока не атрибутировано, и в отдельных случаях неясно, принадлежат ли они самому

Федотову или взяты из творчества его любимых поэтов. Одно принадлежит Ю. П. Иваску, но этого Федотов в письмах к Зое и не скрывал. Свои тексты он, по свидетельству Зои, писал набело, и при этом они почти не требовали поправок: «Георгий Петрович писал по-русски почти без поправок (мне не раз приходилось переписывать его рукописи)» (Цитата из неопубликованных воспоминаний З. О. Микуловской-Юрьевой о Г. П. Федотове. Архив В. В. Янцена).

Эта переписка — достоверный источник информации о последних пяти годах жизни Федотова в США. Здесь отражены все значимые обстоятельства: преподавательская работа, выступления с публичными лекциями, работа над последней книгой, политическая активность, дружба и противоборство с коллегами и окружением, сложные отношения с женой и приемной дочерью, жизнь и смерть друзей и знакомых, воспоминания о детстве, чтение любимых книг, последние статьи. Почти в безвоздушном пространстве работал Федотов над завершающим трудом жизни — двухтомником «The Russian Religious Mind» («Русская религиозность»). В предисловии к книге Федотов писал: «В мои намерения входит описание субъективной стороны религии в противовес ее объективным формам... Меня интересует сам человек, и прежде всего — человек религиозный, его отношение к Богу и к миру, к своим братьям, причем отношение не столько эмоциональное, но также рациональное и волевое, отношение человека, взятое во всей целокупности. Эта цельность религиозной личности является тем невидимым центром, с помощью которого основной феномен не только религиозной, но культурной жизни обретает свое подлинное лицо и значение. История богословия, церковных служб, канонического права перестает быть собранием памятников старины лишь в том случае, если на них брошен луч света, исходящий от религиозного человека или от религиозного сознания. Сердцевиной этих исследований является, безусловно, изучение “духовной жизни” с точки зрения аскетически-мистической, формами которой могут по праву считаться и богословие церковных служб и каноническое право...» (Федотов, 2001: 8).

Подобный подход к проблемам религиозной жизни, церковной истории и богословия до сих еще не претворен в жизнь. Существуют глубокие исследования, посвященные различным областям церковной и религиозной жизни, но они напоминают скорее разрозненные фрагменты, собирая которые, смутно догадываешься о существовании цельной прекрасной картины. Обосновывая необходимость нового подхода, Федотов настаивал: «Вера рассматривается как обращение Бога к человеку, нежели как ответ человека на Божественный призыв. Такой подход делает упор на объективные, неизменяющиеся элементы религии. Человеческая сторона религии с легкостью отбрасывается прочь со всеми атрибутами психологизма. Я не отрицаю сверхъестественного пророче-

ского характера христианства как религии Апокалипсиса. Однако я верю, что ее претворение в жизнь начинается с ответа человека на Божественный призыв. История христианства — история такого ответа, его культура — это культура обретения такого опыта. История и культура являются, по существу, человеческими составными религии» (Федотов, 2001: 9–10). Признавая ценность истории и культуры, Федотов отводил им место в Вечности. Он считал, что подлинные шедевры займут подобающее место в Небесном граде Иерусалиме, о котором пророчески говорит Апокалипсис.

Отдавая должное заслугам Федотова, протоиерей Александр Мень отмечал: «...из русских мыслителей, наряду с Владимиром Соловьевым, Николаем Бердяевым и Сергеем Булгаковым, Федотов больше всего сделал для глубинного осмысления природы культуры. Корень ее они видят в духовности, в вере, в интуитивном постижении Реальности. Все, что производит культура: религии, искусства, социальные институты, — так или иначе восходит к этому первичному источнику. Если психофизические свойства человека — дар природы, то его духовность — дар, обретенный в запредельных измерениях бытия. Этот дар позволяет человеку прорвать жесткий круг естественного детерминизма и создавать новое, небывшее, идти навстречу космическому единству. Какие бы силы ни тормозили это восхождение, оно будет совершаться вопреки всему, реализуя заложенную в нас тайну.

Творчество, по Федотову, имеет личностный характер. Но личность не изолированная единица. Она существует в живых взаимосвязях с окружающими личностями и средой. Так создаются сверхличностные, но индивидуальные облики национальных культур. Принимая их ценность, Федотов стремился увидеть их неповторимые особенности. И в первую очередь эта задача стояла перед ним, когда он изучал истоки русской духовной культуры, стремился найти вселенское в отечественном и одновременно — национальное воплощение вселенского в конкретной истории России» (Мень, 1990: 17). Неизвестно, был ли знаком Федотов с трудами католического богослова и культуролога Кристофера Даусона, который по инициативе протоиерея Георгия Флоровского в середине 1950-х гг. был приглашен преподавать в Гарвард. Но многие интуиции Федотова относительно взаимоотношений культуры и религии, роли религии в развитии национальных культур совпадали со взглядами английского богослова, изложенными еще в конце 1920-х гг.

В предисловии к двухтомнику Федотов пишет: «Означает ли это, что проблема открытия русской религиозности должна быть отвергнута как нереальная или мифическая? Напротив, по религиозным и культурным причинам я верю, что феномен как русской души, так и русской религиозности существует. Но их чрезвычайно трудно сделать предметом научного исследования, ины-

ми словами, облечь в точные научные концепции. Всякая коллективная жизнь представляет собой единство в многообразии: она проявляется лишь в индивидуумах, каждый из которых отражает лишь отдельные черты, присущие всем. Мы не можем рассматривать отдельного индивидуума как представителя общества, как не можем суммировать отдельные свойства, которые противоречат друг другу и трудно совместимы. Единственный путь, на котором можно преодолеть эти трудности, видится в том, чтобы отобрать определенные типы, которые являются представителями различных духовных групп и которые в своей совокупности, если они правильно отобраны, могут представить все общество» (Федотов, 2001: 12–13).

Впервые этот метод, и весьма удачно, Георгий Петрович применил при написании книги «Святые Древней Руси». За прошедшие со времени ее создания годы расширился его кругозор и существенно увеличился багаж знаний. Обогащенный интеллектуально, умудренный жизненным опытом Федотов почти завершил работу над двухтомником. Первыми его рецензентами стали профессора-историки М. М. Карпович и Г. В. Вернадский и лингвист Р. О. Якобсон. Их советы, правка недостаточно совершенного английского помогли Федотову завершить работу над фундаментальным трудом.

Настоящее прочтение наследия еще впереди — выздоравливающая Россия не раз будет обращаться к его книгам и статьям. В 1950 г., за год до смерти, Федотов опубликовал в нью-йоркском журнале «Народная правда» статью «Республика Святой Софии». Эта работа — своеобразное завещание Федотова сегодняшней России: «История судила победу другой традиции в русской церкви и государстве. Москва стала преемницей одновременно и Византии и Золотой Орды, и самодержавие царей — не только политическим фактом, но и религиозной доктриной, для многих почти догматом. Но когда история покончила с этим фактом, пора вспомнить о существовании иного крупного факта и иной доктрины в том же самом русском православии. В этой традиции могут почерпать свое вдохновение православные сторонники демократической России... Всякая теократия таит в себе опасность насилия над совестью меньшинства. Раздельное, хоть и дружеское сосуществование церкви и государства является лучшим решением для сегодняшнего дня. Но, оглядываясь в прошлое, нельзя не признать, что в пределах восточно-православного мира Новгород нашел лучшее разрешение вечно волнующего вопроса об отношениях между церковью и государством» (Федотов, 2004: 358–359).

Приношу благодарность кандидату философских наук, архивисту В. В. Янцену (Германия, г. Хаале), предоставившему мне возможность работать с его архивом, в котором хранятся письма Г. П. Федотова к З. О. Микуловской, за возможность опубликовать письма Федотова с его примечаниями.

Биографическая справка: Зоя Осиповна Микуловская (в замужестве Юрьева, 1922–2000) — американская славистка русско-польского происхождения, ученица Р. Ингардена во Львовском университете, аспирантка Д. И. Чижевского и Р. О. Якобсона в Гарвардском университете. Защитившая в 1956 г. под руководством Чижевского докторскую диссертацию об интерпретации творчества Н. В. Гоголя русскими символистами. Впоследствии была профессором славистики Нью-Йоркского университета (1959–1987). Литературовед, специалист по русской литературе XVIII в. и русскому символизму, поэтесса и переводчица, многолетний научный секретарь, а затем и член редколлегии «Нового Журнала».

Автор статей о русской и польской литературе в журналах и энциклопедиях («Russian Literature», McGraw Hill Encyclopedia of Russia and Soviet Union; «Slavic Literatures», American Oxford Encyclopedia, N.Y.). В 1973 г. опубликовала книгу о польском писателе Иосифе Витлине (Joseph Witlin). В 1985 г. издала в Нью-Йорке книгу стихотворных переводов Казимира Вежинского (Kazimierz Wierzynski) с польского на русский. Микуловской (Юрьевой) принадлежат переводы с русского на польский стихотворений Б. Л. Пастернака и О. Э. Мандельштама (Wiadomosci, London, 1959). Больше всего занималась русским символизмом, в частности космической темой у русских символистов («Творческий космос у Андрея Белого»). Читала курсы, вела семинары, руководила аспирантами, писала статьи, участвовала в международных съездах. Перу Юрьевой также принадлежат около 30 литературоведческих статей на русском, польском и английском языках. Член РАГ (Русская академическая группа) в США, Польского научного института и других научных и литературных обществ.

Была ученицей, помощницей и последней любовью Г. П. Федотова. Личная жизнь Микуловской-Юрьевой сложилась удачно. Вскоре после смерти Федотова вышла замуж за русского эмигранта, врача Юрьева, интеллигентного, доброго человека, в браке с которым была счастлива. У них было двое сыновей: Георгий и Михаил. Сложилась и ее профессиональная карьера. Признание получило и ее поэтическое творчество. Большинство ее учеников вспоминают прежде всего душевные и личные качества: доброту, дух служения русской культуре, неиссякаемую энергию, готовность оказать помощь, умение вдохновить и ободрить, гостеприимство, кулинарное искусство, знаменитый «русский салон», устроенный Зоей Осиповной в ее доме во Фляшинге, где перебивали сотни эмигрантов различных национальностей. Последние годы она болела болезнью Паркинсона и, к сожалению, многие свои творческие начинания не смогла завершить.

Основная часть рукописного наследия Г. П. Федотова, сохранившаяся в архиве З. О. Микуловской-Юрьевой, — это 142 письма философа, написанные с января 1947 по август 1951 г., и среди них последнее его письмо, которое он написал 29 августа 1951 г., за 3 дня до смерти. Сохранились 95 ответных писем Зои. В архиве отсутствует важная часть — текст под названием «Исповедь», написанный летом 1949 г. во время кризиса отношений Федотова и Микуловской, возникшего после того, как Федотов узнал о влюбленности Зои. Влюбленность прошла без серьезных последствий для Зои, и дружеские отношения между Зоей и Федотовым, как и их переписка, вскоре снова возобновились. Но для Федотова началась другая эпоха отношений: в нескольких письмах он создал свою «Исповедь», а сами письма начал нумеровать с целью показать Зое: они написаны после кризиса. Текст «Исповеди» (1949 г.) пока не найден.

Литература

- Мень А., протоиерей. Возвращение к истокам // Федотов Г. П. Святые Древней Руси. М.: Московский рабочий, 1990.
- Федотов Г. П. Русская религиозность // Федотов Г. П. Собр. соч. Т. I, Т. X, М., 2001.
- Федотов Г. П. Республика святой Софии // Собр. соч. Т. IX. М., 2004.
- Федотова Е. Н. Георгий Петрович Федотов // Лицо России: Сб. Париж, 1988.
- Яновский В. С. Поля Елисейские. СПб., 1993.

ПИСЬМА К З. О. МИКУЛОВСКОЙ (1947–1951)

*Г. П. Федотов*Из личного архива Зои Осиповны Микуловской-Юрьевой
(1922–2000) (Собрание В. В. Янцена / Галле на Заале)

Публикация

Примечания

1

19 янв[аря] 47¹

Милая,

Сейчас полночь, я только что вернулся от Вернадских², из гостей — а Вы должно быть тоже только вернулись, измученная, и мне немножко стыдно за свое счастье. Оно все еще переполняет мое сердце, еще ничто не успело рассеять его, и я не знаю, что мне сделать, чтобы выразить его. Стихи не идут в голову, благодарить Вас Вы запретили, да я и сам чувствую, что глупо. Мне хочется благодарить Бога за то, что он создал Вас и дал мне встретить Вас на последнем этапе моей дороги, а, может быть, и в последние дни нашей земли, кто знает? Благословляю Вас, всю Вашу жизнь, всех Ваших близких, все Ваши мысли, мечты и планы — все, кончая Вашей шубкой и перчатками и даже Heapn'ом. Дай Бог, чтобы Вам удалось отдохнуть от неблагодарного труда и «жизни мышью беготни»³ и заняться любимой наукой. Жить чуть-чуть над землей, между земным и вечным, чтобы преобразать все, что окружает Вас. Я бы хотел, чтобы камни, по которым ступают Ваши ножки, превращались в цветы. Но, право, это чуть-чуть зависит и от Вас самих. Будьте счастливы, будьте радостны, будьте всегда собой.

Ваш друг.

---

¹ Без конверта.

² Семья историка Георгия Владимировича Вернадского (1887–1973).

³ Цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы» (1830).

2

Miss Zoya Mikulovsky
98 Cannon St. Ap. 21
New York. NY
11 апр[еля 1947]⁴

Милая, мне было так горько и грустно вчера возвращаться одному после вечера. Мне почему-то казалось, что я смогу проводить Вас. У меня было такое глупое чувство, как у ребенка, который прилежно учился, хорошо выучил урок — и никакой награды. Впрочем, может быть, это не так глупо. Но вечер, мое напряжение речи, ~~подъем~~ вызвали такой эмоциональный подъем, который требовал разрешения. А тут — я не смел даже поцеловать Вашей руки. Пожалейте меня.

Не думайте, что я обвиняю Вас. Это судьба, или карма. А, чтобы Вы не подумали, что я неблагодарный, вот я обещаю Вам: никогда не забуду, как Вы, усталая, с головной болью, бросились догонять меня в пятницу. Я еще слышу стук Ваших каблучков по камням. И всегда, когда мне покажется — вероятно, несправедливо — что Вы жестоки ко мне, я вспомню этот вечер и этот звук — обещаю Вам.

Сегодня у меня такая потребность видеть Вас, что я решил отвезти Вам это письмо. Вас я, конечно, не увижу, но хотя бы Ваш дом и Вашу лестницу — ужасно, но для меня святые места. Может быть, это развеет мою тоску.

А вчера Вы были так хороши и нарядны — на горе мне!

Целую Ваши милые руки. Простите.

Г. Ф[едотов].

3

Miss Zoe Mikulovsky
98 Cannon St. Ap. 26
New York Sity⁵
[Нью-Йорк,] 7 ноября [1947]⁶

Дорогая Зоя Иосифовна,

Воспользовавшись Вашим согласием, я взял билет на Волшебную Флейту Моцарта, на пятницу 14 ноября. К несчастью, у меня в этот день лекция и я

⁴ Конверт без марки и почтовых штемпелей. В конверт вложены листья и лепестки розы.

⁵ Надписи на конверте с обеих сторон рукой Зои: «Стихи».

⁶ Место и год отправления письма определены по почтовому штемпелю на конверте.

не смогу быть в Hearn's в 6 час<ов>, а только в 6.20. Удобно ли это Вам? Вы могли бы назначить мне какое-нибудь кафе поблизости, чтобы не ждать на улице. Мы пообедаем вместе, а потом пойдем в Metropolitan⁷.

Надеюсь, что у Вас не будет возражений. До пятницы много времени, и Вы можете написать мне о Вашем согласии или перемене в моем плане. Кстати, напомню и № моего телефона: Мо 2-7100 extersion 55. Только трудно меня застать дома.

Буду ждать отклика от Вас, дорогая Зоя Иосифовна, и надеюсь, что мы оба получим удовольствие от Моцарта.

Искренне преданный Вам

Г. Федотов.

606 West 122nd Street
New York 27, 27⁸

4

Г. П. Федотов — А. Р. Вирену

Mr. Alexis R. Wiren⁹

Russian Student Fund

515 W 23rd St.

New York 11; N.Y.¹⁰

[Нью-Йорк,] 9 дек[абря] 47

Дорогой Алексей Робертович,

Очень прошу Вас помочь в продолжении образования г[оспо]же З. И. Микуловской, одной из новых D.P.¹¹ Из бесед с нею я убедился в ее больших способностях, культурности и серьезной подготовке для академической работы.

Искренне преданный Вам

Г. Федотов

⁷ Имеется в виду оперный театр «Метрополитен» в Нью-Йорке.

⁸ Так в оригинале, должно быть: «New York 27, N.Y.». В конце письма приписка рукой Зои: «Волшебная флейта».

⁹ Алексей Робертович фон Вирен (1897–1975) — сын адмирала Роберта Николаевича фон Вирена, командовавшего русским флотом в Порт-Артуре в 1904 г., создатель Русского студенческого фонда в Нью-Йорке, выдававшего стипендии и ссуды русским эмигрантам, желавшим получить высшее образование, один из основателей Толстовского фонда.

¹⁰ Конверт без марки и почтовых штемпелей.

¹¹ Displaced persons — ди-пи, перемещенные лица (англ.), люди, оказавшиеся на чужбине в результате насильственной депортации.

5

AIR MAIL

Miss Zoe Mikulovsky
98 Cannon St., App. 26
New York, NY
[Палм-Бич,]
Воскресенье 21 дек[абря 1947]¹²

Милая моя девочка,

Только что добрался до здешнего городца, но что это была за дорога! Нас четыре раза выбрасывали из поезда, поезда шли без расписания, набитые как сельди в бочке, по ночам мы стояли в хвостах в ожидании неизвестных поездов. Суций 1918 год в России — Вы, впрочем этого не знаете, у Вас Восточная Европа 40-х годов. Это еще почище. Впрочем что жаловаться? Со мной был Ваш образ, как эгида, отражающая всех злых духов. И в душе пела музыка. Можете себе представить, в этом аду сложилось два стихотворения — впервые после 15–17 лет! Одно посылаю сегодня, хотя и сознаю, что оно Вас недостойно:

Нет, ты ошиблась вспоминая:
Не зубры, а единорог
К тебе из пущи шел склоняя
Таинственный и белый рог.

Как пред грозой в час полдневный
Затихли птицы и листы
Перед крестьянкою-царевной
В сияньи нищей чистоты.

И только заяц на поляну
Вскочив опомниться не мог
И так прижался бездыханный
В густой траве у милых ног.

¹² Место отправления и датировка года определены по почтовому штемпелю на конверте. В один конверт вложены два письма: от 21 и 22 декабря.

Здесь вместо солнца меня встретил дождь, но теплый как в парнике. Море было чудное и облака горели на закате (хотя это и восток). Но Сириуса¹³, должно быть, сегодня не увижу. Все равно, Вы всегда со мною, слышу, льется Ваша речь, хотя не могу разобрать слов, и глаза светят в душу. Завтра напишу потолковее и побольше. Сейчас только тороплюсь послать Вам первый привет.

Не переведете ли мне в польских стихах слова:

Zaświaty, pat...¹⁴? (второе слово последней строки).

Целую Вам руки без конца. Радость моя!

Г. П.

(Имени нет)

6

22 дек[абря] 47

Шла запыхавшись не глядя проворно стуча каблучками,
Села сверкнув на меня голубыми лучами-звездами мне в душу,
Всплески блаженного тихого смеха пустив жемчугами...
Верю, есть Бог, а не Мститель над нами, за твердь небесной.
Знаю, меня и обоих разбойников нынче прощает.

Очень слабое стихотворение, но очень верно изображающее наши встречи (тоже с дороги).

Милая! Сегодня был холод с утра, и у меня простуда. Но это так необычно здесь, что днем опять стало тепло, и я чувствую себя прекрасно. Море меняется весь день, каждый час лучше другого. Вечером под луной (месяц уже налился светом) оно разбивается о наш риф и пенится будто злое. Но месяц, который затопил почти все звезды, не в силах был задушить Сириуса.

Я уже мечтаю о возвращении. Сегодня взял билет (плацкарту) на 4 янв[аря]. Должен быть в Нью-Йорке в понедельник 5-го в 6.15 вечера. Но поезда так запоздывают. Так хотелось бы повидаться с Вами в этот вечер. Когда Вы кончаете школу. М[ожет] б[ыть], можно прийти проводить Вас домой? Напишите мне Ваш порядок вечера. Если нельзя, то я смирюсь, конечно, до вторника. Когда Ваша елка?

¹³ Вероятно, Сириус был любимой звездой Зои, и поэтому Федотов посвятил ему одно из своих стихотворений (см. его письмо от 23 декабря 1947 г.).

¹⁴ В ответном письме от 22 декабря Зоя перевела эти слова следующим образом: «“Zaświaty“ — значит — “потусторонний мир”. “Patrza“ — значит “смотрят“».

Вечером слушали (на пластинках) 3-ю симфонию, героическую, Бетховена. Но слаще всякой музыки поет в душе Ваш голос. Как странно, что я не одинок на этом свете, что кто-то думает обо мне, хотя бы минуту, при взгляде на синюю звезду. Радость моя!

7

AIR MAIL

Miss Zoe Mikulovsky
98 Cannon St., App. 26
New York, NY
[Палм-Бич,] 23 дек[абря] 47¹⁵

Тысячелетия следила
Жрецов бессонная чреда,
Когда над желтым морем Нила
Восходит Выходила синяя звезда.

Светило древних откровений,
О Сириус, давно ли твой
Стал свет святой для новых бдений
Любви вечернею звездой?

И ныне, распростившись с горем –
На миг, на год ли? ах, молчи –
Ловлю я над пустынным морем
Его нездешние лучи.

Родная моя, сегодня, когда я на прогулке повторял эти слагавшиеся строчки, странно, они казались мне удачными. Но сейчас, записывая их, вижу, что они вымучены. Может быть, конец Вам понравится. Сейчас вечер. Я сижу или лежу на кровати в нашем стеклянном кубе, как аквариуме — это наш дом. Он в настоящую минуту залит звуками Бетховена, а за окнами шумит море. Ночь отсюда кажется черной, черной. Но стоит выйти в сад и лунные пятна лежат на дорожках, и Сириус, настоящий Сириус, над головой. В две-три минуты дохожу до высокого берега и вижу, как белые валы разбиваются о рифы, и волны искрятся под луной.

¹⁵ Место отправления определено по почтовому штемпелю на конверте.

А от Вас все нет отклика. Впрочем и не может быть. Я жду терпеливо. В нашем маленьком доме живет пять человек: еще гостят двое милых стариков. И мне приходится бороться за одиночество, чтобы сохранить Ваш голос, Ваши глаза живыми в сознании. Как непохожа сейчас Ваша жизнь на мою. Труд, холод, суета. Но, может быть, сестра¹⁶ уже приехала... Целую Ваши руки, тоскую и считаю дни. Радость моя!

8

AIR MAIL

Miss Zoe Mikulovsky
98 Cannon St.
New York, NY.
[Палм-Бич,] 24 дек[абря] 47¹⁷

Шумит неумное море
Про то же, про вечное горе,
И воют неистово трубы
И падает с ветра на губы
Соленая капля-слеза.

И пальмы тоскуют о елях,
И грозы о снежных метелях,
А девы о юном герое,
А сам я о ласковой Зое,
В чьих взорах небес бирюза.

Простите, милая, за этот сплошной плагиат. Это последний. Очевидно мой Кастальский ключ¹⁸ иссяк, если Вы не пробудите его хотя бы одним своим письмом. Но Вы молчите...

Сегодня зажгли маленькую елку и ели рождественского гуся, запив настоящим французским шампанским. Не было никого посторонних, только нас пятеро. Было уютно и весело. Нина¹⁹ и Рожанковский²⁰ очень милы друг с

¹⁶ Валерия Осиповна Филипп (урожд. Микуловская), (1919–2007) — сестра Зои. См. письмо Г. П. Федотова к ней от 9 июня 1950 г.

¹⁷ Место отправления определено по почтовому штемпелю на конверте.

¹⁸ Родник в Центральной Греции на горе Парнас около Дельф, почитавшийся в древнегреческой мифологии как священный ключ бога Аполлона и муз, дарующий вдохновение поэтам и музыкантам.

¹⁹ Нина Георгиевна Рожанковская (Федотова) — приемная дочь Г. П. Федотова.

²⁰ Федор Степанович Рожанковский (1891–1970) — художник-иллюстратор, муж приемной дочери Г. П. Федотова Нины.

другом, старички тоже. Я один здесь без пары, все больше уединяюсь, чтобы думать о Вас.

Сейчас собираемся с стариком в церковь на ночную мессу («пастерки») — плакать о гибели гуманизма, — я, кажется, говорил Вам. И помолюсь о Вас, т. е. о нас обоих. Знаю, что в этот же час Вы будете молиться о том же. Разве это не чудо уже?

Радость моя, будьте здоровы, не грустите, встретьте сестру и погрузитесь в милый прошлый мир — на время.

Христос с Вами.

Г.

c/o F. Rojankovsky
615 North County Rd.
Palm Beach, Fa.

9

AIR MAIL

Miss Zoe Mikulovsky
98 Cannon St. App. 26
New York, NY
[Палм-Бич,] 27 дек[абря] 47²¹

Зоя, радость моя, вот пять дней, как я в этом раю, и до сих пор не было ни одного письма от Вас. Допускаю, что Вы ждали первого от меня, и что почта ходит медленно, даже в Америке — для того, кто любит — а все-таки не могу отделаться от тревоги. Может быть, Вы больны, или случилось что-нибудь? Только одно, признаюсь, и самое житейски правдоподобное предположение не приходит мне в голову: что Вы просто меня забыли, м[ожет] б[ыть,] на радостях приезда Вашей сестры. Так я верю в Вас, в Вашу лояльность²², верность, постоянство. Tu es Petrus²³, скала Петрова, для меня, на которой я построю, еще в последний раз, духовное здание моей развалившейся жизни.

Как бы то ни было, но на пятый день я впал в уныние. Уже не до стихов. Рождественская ночь была вершиной моего подъема. На следующее утро я свалился на землю, где с тех пор и влачу свое существование. Какой урок

²¹ Место отправления определено по почтовому штемпелю на конверте.

²² В оригинале было написано: «лойяльность».

²³ «Ты — Петр» (лат.), аллюзия на слова Иисуса: «и Я говорю тебе: ты — Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою» (Мтф. 16:18).

для Икаров²⁴! Может быть, и отсутствие писем Ваших не единственная причина, хотя они, конечно, поддержали бы падающие крылья. Может быть, просто реакция на слишком большую приподнятость.

Тут уж кстати нагрянули холода (относительные, конечно). Солнце, ясно, вечером полная луна, но так свежо, что ходим в пальто, а я слегка даже простужен. Только не думайте, что уныние от простуды. Уныние сначала — холода потом. Это я пишу для из объективной истины, хотя и горько сознаю всю марксистски-фрейдянскую зависимость нашего падшего духа от материального и чувственного мира.

Ну, полно жаловаться. У меня много утешений. Нина и Рожанковский в очень хорошем настроении, нежны др[уг] к другу, как никогда раньше. Старички (Ушаковы) очень милые. Он из донских казаков, с богатым опытом, от крестьянской жизни до Государственной Думы, и художественный рассказчик. Только немножко меры не знает. Зато она сама скромность и ласковость. Выдумывает чудные блюда и т. п. Потом кот и собачка, очень милые порознь, но опасные при встрече. Потом превосходные диски граммофона. Рисунки хозяина, много книг по искусству и классиков. Есть даже Тувим²⁵ по-польски, с посвящением подписью от автора. Его я иногда раскрываю с волнением, прежде незнакомым, чувствую прелесть, но увы, половины не понимаю. А еще одна богословская книга, на к[отор]ую я должен писать рецензию²⁶, интересная, но невозможно написанная по-французски одним евреем-католиком, знакомым с русским богословием. Так необъятно много, казалось бы, но нет одного, изюменки, о которой говорил Толстой²⁷. Или, вульгарное,

Все, что не ты, так суетно и ложно —²⁸

Целую Ваши руки и считаю дни и часы, дни до свидания, часы до почты...

Г. Ф[едотов].

²⁴ Аллюзия на древнегреч. миф о мастере Дедале и его сыне Икаре.

²⁵ Юлиан Тувим (Tuwim, 1894–1953) — польский поэт и прозаик, переводчик русской и советской литературы, литературовед и библиофил, творчеству которого Зоя впоследствии посвятила специальное исследование.

²⁶ Такая рецензия среди печатных трудов Г. П. Федотова не значится.

²⁷ Аллюзия на слова Федора Протасова из драмы Л. Н. Толстого «Живой труп» (1900): «Моя жена идеальная женщина была... Но что тебе сказать? Не было изюминки. Знаешь, в квасе изюминка? — не было игры в нашей жизни».

²⁸ Цитата из стихотворения А. К. Толстого «Минула страсть, и пыл ее тревожный» (1858): «Минула страсть, и пыл ее тревожный / Уже не мучит сердца моего, / Но разлюбить тебя мне невозможно! / Все, что не ты, — так суетно и ложно, / Все, что не ты, — бесцветно и мертво».

10

AIR MAIL

Miss Zoe Mikulovsky
98, Cannon St.
New York, NY
[Палм-Бич,] 30 дек[абря] 1947²⁹

Милая моя деточка,

Сегодня пришло Ваше первое письмо, и принесло мне мир, несмотря на все Ваши тревоги и огорчения, которые я переживаю с Вами. Такой подлец человек: чужую беду разделять сладостно. Все же не считайте меня таким эгоистом. Мне очень, очень жаль Вас за все Ваши разочарования. Праздники для Вас испорчены. Грустная будет встреча Нового Года, грустное Рождество, если Ваших не выпустят с Ellis Island³⁰ к тому времени. Но сквозь все описания Ваших треволнений я ощущал прежде всего Ваше золотое сердце, Вашу душу, при мысли о которой слезы навертываются на глаза, хочется благодарить Бога за то, что Вы существуете на свете.

Теперь уже недолго мне скучать без Вас. До отъезда осталось 6 дней. (У меня плацкартный билет и хороший поезд, если это Вам хочется знать). А меня беспокоит сейчас одно: удастся ли мне увидеть Вас в первый же вечер, в понедельник. В сущности, очень мало шансов. Поезд должен прийти в Pens. St. в 6.15, но теперь поезда страшно опаздывают. Конечно, я мог бы встретить и проводить Вас, если Вы работаете до 9 ч[асов] или из школы, если Вы пойдете туда. Но догадаетесь ли Вы написать мне. Теперь писать уже поздно. Даже воздушная почта приходит на третий день, а в воскресенье не доставляется. Буду звонить Вам на работу с утра во вторник. Видите, какие у меня корыстные мысли и заботы. К ним примешиваются заботы о лекциях (вторник 4–6), четверг вечером. Не совпадет ли это с Вашей елкой, и будет ли вообще елка у Вас при Ваших грустных обстоятельствах?

Как видите, мой лирический поток иссяк, и вряд ли скоро вернется. Забота с ним несовместима. Зато укрепляется наша жизненная связь. Спасибо Вам, что считаете меня настоящим другом, не для праздников только, а и для тяжелых будней. Нужно только, чтобы забота не лежала на сердце, а где-нибудь в голове, или на периферии сознания. Иначе Frau Sorge³¹ высосет человека.

²⁹ Место отправления определено по почтовому штемпелю на конверте. Датировка года внесена в письмо карандашом. В конверт вложено два письма: от 30 и 31 декабря.

³⁰ Остров Эллис (англ.), расположенный в устье реки Гудзон в бухте Нью-Йорка, был центральным пунктом приема иммигрантов в США с 1892 по 1954 г.

³¹ Госпожа забота (нем.).

У нас погода повернула на тепло, градусов 70³². Я делаю прогулки на велосипеде на закате вдоль озера (а не моря, которое, как Вы знаете, открыто на Восход). А на море выбегаю утром часов в 6, смотреть на утреннюю зарю.

Начал писать одну главу моей книги³³ и вспомнил, что я ничего не говорил Вам о ней, а это я считаю главным делом своей жизни. Как многое осталось Вам сказать! В сущности наша беседа едва началась. Беда только, что когда я с Вами, мне ни о чем не хочется говорить, а только смотреть без конца в Ваши глаза и чувствовать себя другим человеком, чистым, молодым... Радость моя!

Г. Ф[едотов].

11

31 дек[абря] 1947³⁴

Милая Зочка, получил второе Ваше письмо, спасибо! (Опять без даты, по-женски). Радуюсь с Вами, что есть надежда скоро увидеть Ваших дорогих арестантов. А еще тому, что мы сможем увидаться в понедельник, в первый вечер моего возвращения. Я понимаю так, что Вы зайдете в кафетерию после школы, и мы вернемся вместе домой. Немного смущает меня, что я не знаю этой кафетерии. Т. к. между 6 и 5 ав[еню] по 14 ул[ице] ее нет (я хорошо помню), то значит, она между 5 и Union Sq[uaire]. М[ожет] б[ыть,] у Вас еще будет время поправить мою ошибку, если я ошибаюсь. Более серьезная опасность — опоздание поезда, но авось, снежные заносы кончатся к тому времени.

Я все чувствую себя немного простуженным, и, вероятно, это объясняет мое вялое состояние. Ни стихов, ни энергии в работе. Оживаю только к вечеру, когда начинается мистерия на небесах. Но Вы всегда со мною.

Сегодня встречаем Новый Год, без гостей, впятером, но с настоящим шампанским. Буду мысленно пить за Вас и желать Вам в этом году: поступить в Колумбию, учиться с увлечением и без помех; для Вали и ее мужа найти работу и покой после их испытаний, для родителей радоваться Вашим счастьем, а для себя самого — сохранить маленький уголок в Вашей жизни и в Вашем сердце. Ах, мне так хотелось бы помочь Вам идти — вперед и выше, к настоящей культуре, которой вряд ли может дать американский колледж. Обнимаю Вас. Нежно и крепко. Ваш Г. Ф[едотов].

1948

³² 70° по Фаренгейту = 21° С.

³³ Имеется в виду второй том книги Г. П. Федотова о русской религиозности.

³⁴ Датировка года внесена в письмо карандашом.

12

AIR MAIL

Miss Zoya Mikulovsky

98, Cannon St.

New York, N.Y.

[Палм-Бич,] 1 янв[аря] 48³⁵

Все в прошлом, все мимо, все мимо,
Шептали Твердили лихие года,
Уже ты не Зигфрид, а Миме³⁶,
Уже в седирах борода.

За что же послал ты, о Боже,
Надежду опять в мою тьму,
Ее, что из всех мне дороже
Сестер у Отца в терему?

За то ли, что в роскошном старом Содоме
Еще не истлев до конца,
Я вижу, как в старь, на соломе
Сиянье Святого Лица?

И снова с небесной подругой,
Нас мчат без Не зная покоя и сна,
Колеса Мы мчимся туда, где за вьюгой
Цветет голубая весна.

Это мое последнее письмо. Есть некоторый шанс, что оно дойдет раньше меня. Муза опять посетила меня на прощанье. Вероятно потому, что моя простуда прошла, опять тепло, и я сегодня купался в море, в первый раз. Волны были необычно большие, подбрасывали, перекатывались через голову, и все это у самого берега. Это было чудесно. Но я весь уже душой в отъезде. Последняя строфа это антиципация поезда (зачеркнутого колеса). А голубая весна не требует комментариев.

³⁵ Место отправления определено по почтовому штемпелю на конверте.

³⁶ Зигфрид и Миме — персонажи древнегерманского эпоса «Песнь о Нибелунгах».

Я все представляю себе блаженную минуту, когда увижу Вас в дверях неведомой кафетерии, и для меня зацветет моя весна. Но если что-нибудь помешает Вам или мне... Хотя это означает отсрочку всего на один день, но мне она кажется ужасной. Но не бойтесь, милая, преувеличенности этих чувств. Они разогреты разлукой и воображением. Я обещаю Вам быть более благоразумным и более щадить Ваше время. Будем говорить о серьезных вещах, правда?

Какое счастье впереди! Видеть Вас, слышать Вас, целовать Ваши руки. Скоро, скоро —

Ваш Г. Ф[едотов].

13

19 January 48

I know well miss Zoya Mikulovsky and her family since their coming to the United States and can testify that her previous studies in Europe make her fit not only for an ordinary student curriculum in American colleges but even for a successful research career in her chosen field of Slavic philology.

Miss Mikulovsky possesses brilliant natural gifts, a wide cultural background, and the knowledge of many foreign languages which constitutes a great advantage for her studies.

George P. Fedotov
Professor of Church History
at the Orthodox Theological
Seminary in New York

Перевод

19 января 48³⁷

Мисс Зою Микуловскую и ее семью я хорошо знаю с момента их прибытия в Соединенные Штаты и могу свидетельствовать, что ее предыдущее обучение в Европе делает ее подготовленной не только к обычной студенческой программе в американских колледжах, но еще и к успешной исследовательской карьере в избранной ею области славянской филологии.

³⁷ В личном архиве З. О. Микуловской-Юрьевой это рекомендательное письмо сохранилось в двух вариантах: рукописном и машинописном. В рукописном тексте первоначально было написано «США» вместо «Соединенных Штатов», а подпись заканчивалась словами «Православной Богословской Семинарии», слова «в Нью-Йорке» добавлены в машинописный текст позднее. Оба текста подписаны Г. П. Федотовым. Конверт не сохранился.

Мисс Микуловская обладает блестящими природными данными, широким культурным кругозором и знанием многих иностранных языков, являющимся большим преимуществом для ее учебы.

Георгий П. Федотов
Профессор церковной истории
Православной Богословской
Семинарии в Нью-Йорке

14

Вторник
3 фев[раля] 48³⁸
7 час[ов] вечера

Мой милый друг,

Хотя я завтра увижу Вас, но не знаю, сумею ли сказать Вам то, что мне хочется сказать. Прежде всего то, что я вчера и сегодня преисполнен таким полным и глубоким ощущением счастья, что ни грипп ни долгое ожидание Вашего звонка не могли его нарушить. Это от того, что Вы мне сказали в Tea-Room³⁹. Я чувствую, что это больше, чем я достоин, чем мог мечтать. Я все время улыбаюсь (должно быть идиотски), и сам с собой и с людьми. И эти слезы. Если хоть капля их пролилась за меня... Вы знаете, я все время воображаю, что, если бы я был в чистилище, то и на меня упала бы одна такая слезинка, сколько лет мук она должна сократить — сотни, тысячи?

Но я не только романтический эгоист. Я счастлив и от того, что Ваша жизнь устраивается чудесно... Точно чья-то рука устраняет с Вашего пути все препятствия. Перестаньте же бояться и ожидать худшего.

Если Вы хотите доставить мне очень большое удовольствие, прочтите на ночь два стихотворения Тютчева (только два), которые я отметил тремя звездочками. Одно потому, что это самое совершенное на русском языке, другое потому, что оно лучше выражает мои чувства, чем я умею сказать. И спите спокойно.

Ваш друг.

³⁸ Без конверта.

³⁹ Чайная, кафе (англ.).

15

Special Delivery⁴⁰

Miss Zoya Mikulovsky

98 Cannon St.

New York, NY.

[Нью-Йорк,] 9 фев[раля] 48⁴¹

Милая Зоя,

Еще один день без Вашего звонка — обещанного звонка. Я очень беспокоюсь, и опять пал духом. Я скорее предполагаю, что Вы больны — должно быть, грипп, который начинался у Вас в субботу. А, может быть, опять не удалось дозвониться, хотя я был дома почти все воскресенье — какое это было тоскливое воскресенье! — и все утро до часа сегодня. Если Вы лежите, или сидите дома из-за гриппа, может быть, для Вас будет приятно получить эти строки — все с той же новостью, о которой я звонил Вам в субботу.

Милая, простите меня за то, что я не могу и дня прожить без Вас. О, если бы Вы нашли способ известить меня, если Вы больны.

Во вторник, даже если Вы будете в колледже, я не смогу завтракать с Вами, т.к. приглашен к одному профессору. Буду в своей комнате до 12 ½. Буду мечтать о среде. Но как я доживу до среды, право, не знаю.

Хочу думать, что у Вас нет ничего серьезного (если больны). Этого еще не хватало!

Христос с Вами, а я всеми моими мыслями.

До свидания, и не сердитесь на малодушного старого глупца, который не умеет держать себя в руках.

Ваш весь Г. Ф[едотов].

[Приложение]

Еще недавно вьюги выли,
В сугробах плакала метель,
И мы с тобой совсем забыли
Про неродившийся апрель.

⁴⁰ Срочная доставка (англ.).

⁴¹ Место отправления определено по почтовому штемпелю на конверте.

Еще недавно сад хрустальный
Сиял серебряной росой,
Как бы играя в час прощальный
Зимы замерзшею слезой.

Но ветер влажный, ветер знойный
Истомой воздух напоил,
И сердце ~~бе~~ сжалось беспокойно,
И уж дышать почти нет сил.

Не так ли, сердце, ты с годами
Горишь и стынешь все больней
Между отчаяния льдами
И жаром мертвенных страстей.

Придет ли день, когда смогу я
Прохладой чистою вздохнуть,
И ангел мира, ночь почуя,
Мне освежит лицо и грудь.

16

13–14 ф[евраля 1948]⁴²
1 ч[ас] ночи

Совершенная любовь.

Когда бы стать совсем слепым,
Не видеть Ваших глаз,
Когда бы стать совсем глухим,
Совсем не слышать Вас.

И умереть и пасть на дно,
Где гложет всякий крик,
И даже в памяти давно
Утратить светлый лик.

---

⁴² Датировка года предположительна: по нахождению автографа стихотворения в конверте с письмом от 9 февраля 1948 г.

И вдруг во мраке вечных льдов
Сквозь бездну пустоты,
Сквозь бесконечность всех миров
Почуять — это Ты!

И знать всей мертвою душой,
Что там, где Ты, там Бог,
И слить с бессильною мольбой
Свой безнадежный вздох.

17

Miss Zoya Mikulovsky
98, Cannon St., App. 26
New York City
[Нью-Йорк,] 17 фев[раля 1948]⁴³
4 ч[аса]

Милая Зоинька,

Забудьте, прошу Вас, что было неприятного между нами. Теперь, когда я помолился с Вами, у меня свалилась всякая тяжесть с сердца. Мне жаль, что я Вас заставил страдать. Простите меня. У меня сейчас на душе спокойно и легко. Только беспокоит Ваше здоровье и тяжелая нагрузка в колледже. Думайте сейчас только о психологии и ни о чем больше.

Целую Ваши милые руки.

Да, кстати, если перчатки⁴⁴ не в пору или не нравятся, их обещали переменить.

Зоинька, да хранит Вас Бог.

Ваш друг.

⁴³ Место и год отправления определены по почтовому штемпелю на конверте.

⁴⁴ Речь идет, вероятно, о подарке Г. П. Федотова Зое.